

ПУТЕШЕСТВІЕ

МАРШАЛА МАРМОНА,
ГЕРЦОГА РАГУЗСКАГО,
ВЪ ВЕНГРІЮ, ТРАНСИЛЬВАНІЮ,
ЮЖНУЮ РОССІЮ,
ПО КРЫМУ И БЕРЕГАМЪ АЗОВСКАГО МОРЯ,
ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛЬ,
НѢКОТОРЫЯ ЧАСТИ МАЛОЙ АЗИИ, СИРІЮ,
ПАЛЕСТИНУ И ЕГИПЕТЬ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

ИЗДАННЫЙ КСЕНОФОНТОМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1840.

.....
Путешествуя по южной части России, встречаешь, на нескольких лье расстояния, такая противоположности, что оне напоминают то варваров Тибета, то самые промышленные и гражданственные народы средней Европы. Судя по несообразностям, которыя поражают глаза, можно подумать, что вы в один день проехали несколько тысяч миль. Например, ничего не может быть любопытнее противоположности между Ногайцами и соседями их Меннонистами. Из Ногайска мы приехали именно к ним.

Меннонисты составляют религиозную секту, и живут большею частию по берегам Вислы. Они Немцы происхождением и имеют отдаленное сходство с Квакерами. Они ужасаются пролития крови, и потому не могут быть солдатами. Это правило у них доведено до того, что они почитают недозволенным защищаться. Применение такого правила для них не представляет никакой опасности, потому что нравы их кроткие, тихие, верно изображающие золотой век. За тридцать с чем-то лет, довольно большое число семейств этой секты просило у Российскаго Императора земель в степях, обязываясь сделать их плодоносными.

В России существует терпимость для всех вероисповеданий, для всех религий. Она для правительства не только правило или аксиома, а давно выполняемая существенность. Сверх того, когда права или преимущества даны, их уважают и дозволяют мирно пользоваться ими.

Меннонистов приняли на условиях, о которых они просили, и они поселились в этих пустынных местах. Каждому семейству дали в собственность шестьдесят пять десятин земли и соразмерное число лугов. Дали также нужное количество лесу для постройки домов, с тем, чтобы они заплатили за это в определенное время, и требовали только, чтобы каждое семейство, пользуясь таким вспоможением, приехало с капиталом от тысячи двух сот до полуторы тысячи рублей. Эти условия приняли тысяча семь сот семейств. Они были разделены на сорок одну деревню и начали трудиться. Теперь, деревни их напоминают прекраснейшия части Швабии, Баварии, Австрии. В них красивые домики, с садами и рощами. Жители обзавелись превосходным скотом, и все наслаждаются видимым благосостоянием и довольством истинным многие даже составили себе огромныя богатства. Приведу здесь один пример, разительный и почти невероятный.

Меннонист, именем Корнис (Cornis), бывший моряком в Данцигском порте и путешествовавший в Индию, один из первых поселился в этой стране. Жена и трое сыновей составляли семейство его. Капиталу привез он с собой не больше тысячи рублей. Правительство дало ему, как в всем другим колонистам, шестьдесят пять десятин земли в собственности и отпустило лес для постройки дома. Он занимался земледелием успешно, жил хорошо, и через восемь лет, согбенный под тяжестью годов, разделил все нажитое сыновьям: пришлось каждому по четыре тысячи рублей, включая тут и ценность земель. Один из сто сыновей, у котораго я квартировал (теперь самый значительный человек между всеми колонистами), не получил в участок земель, и на свои четыре тысячи рублей начал небольшую торговлю коровьим маслом. Три года продолжалась эта торговля, и капитал его вырос до семи тысяч рублей.

Тогда он купил земли и двести пятьдесят овец плохой породы: после он достал себе отборных баранов: стадо его улучшилось и увеличилось. Он нанял земли; потом купил. Он обрабатывал их только для потребностей своей семьи и своей экономии, но никогда не занимался земледелием для продажи хлеба. Все обороты его ограничивались скотоводством.

Теперь у него семь тысяч голов тонкошерстных овец и баранов, восемьдесят коров, сто двадцать пять приплодных кобыл, три тысячи пять сот десятин земли, которые купил он, и четыре тысячи десятин наемных; правда, наем очень дешев: по пятнадцать копеек за десятину. Все заведения у него устроены и содержатся хорошо; он завел разсадник и сделал большия насаждения. Одна из овчарен его, которую я осматривал составляет вместе с другими строениями огромную общность, где все в прекрасной соразмерности. Сенник устроен над всем протяжением овчарни, в которой содержится две тысячи четырехста овец, и все это здание стоило хозяину только три тысячи двести рублей. Стадо приносит ему каждый год доходу больше пятидесяти тысяч рублей, конский завод десять тысяч, и лошади продаются от двухсот до двухсот пятидесяти рублей. Следствие удивительное и огромное.[6]

Нельзя надивиться этим колониям, где, весь возможный порядок, благосостояние и добродетели поражают наблюдателя. Можно представить себе каковы здесь честность, нравственность и дух народа, если узнаем, что в продолжение тридцати шести лет, в этой колонии, где живет тысяча семь сот семейств, не было ни одного процесса! Едва вероятное дело! Но сначала Корнис, а потом и другие Меннонисты уверяли меня в этом. У них нет священников их исповедания; они очень благочестивы и

часто собираются на молитву. Соседство Меннонистов должно благотельно действовать на образованность Ногаев. Этим уже поражает разница между их землями и землями их соседей, и, не задолго до моего приезда, Ногаи приходили просить у Корниса плана для перестройки их деревни.

1 июля я оставил эта колонии, унося в душе глубокое чувство уважения и удивления. Мы ступили на землю Духоборцев, странного народонаселения, которое представляет величайшую противоположность с виденным нами перед тем. Духоборцы—секта, не имеющая никакого определенного верования. Они только читают молитвы, что кто выучил или составил сам. У них нет священников, и они собираются, в назначенные дни, молиться Богу вместе. В этих сборищах мужчины и женщины смешиваются; говорят, что после молитв бывают большие беспорядки, и что в этом Духоборцы думают следовать вдохновению. Они говорят, что Божество заключается в них самих и показывает им свою волю, призывая смешивать свои души и назначая выбор. Они верят преданиям, но не письменным; верят переселению душ, и полагают, что после смерти души добрых переходят к добрым, а души злых к злым. Читать и писать они не учатся.

Духоборцы происходят из разных мест России, но особенно из Архангельской губернии, из Финляндии и Астрахани. Прежде их ссылали в Сибирь, чтобы не допустить обращать в свою секту, Император Александр отменил эту меру, которая казалась ему слишком строгою: но чтобы предупредить распространение зла, он послал Духоборцев сюда, населить степь, и составил из них одно народонаселение, замечательное дело, что общество, на таких основаниях утвержденное, идет не совсем дурно, и земли его обработаны довольно хорошо; в деревнях не видно никакого беспорядка, нарушающего общественное спокойствие; подати выплачиваются исправно. Многие члены этой секты оставили ее, и обратились к истинному верованию; сорок семейств приняли Греко-Российскую религию. Впрочем, всего этого народа не больше четырех тысяч душ обоего пола.

В соседстве живет другая странная секта, похожая на эту и называемая Малаканами (Malakas), но в ней всего восемь сот человек.

Вечером 1-го Июля мы приехали ночевать в великолепный овчарный завод, принадлежащий принцу Ангальтскому. Только пять лет как он начался и вскоре дойдет до совершенства. Император уступил принцу Ангальтскому в степях пятьдесят четыре тысячи десятин земли. Владелец намерен содержать сорок тысяч овец: теперь их уже двадцать четыре тысячи. Мне показалось, что хлева построены уж слишком ценно; тут нет надлежащей сметливости эти заведения не таковы, как у Меннониста Корниса.

Овцы прекрасны, хотя и не взрачны; пастбища для них так хороши, что совсем не нужно давать хлеба животным. Управляющий сказал мне, что он признал выгодным ограничить земледелие, потому что цены на хлеб низки. В обыкновенное время, квинтал ржаной муки продают за двадцать четыре французских су. Зимой с 1833-го на 1834-й год, овцы провели почти всю на пастбище, и которых больше других оставались с хлеву, те пробыли там одиннадцать дней. Нигде, ни в западе, ни в севере Европы, нет таких выгодных обстоятельств для этого рода промышленности.

Прибавлю некоторыя сведения, после доставленные мне об этой промышленности, столь важной для южной части России. Мне сообщил их Г. Куликовский, предводитель дворянства Перскопскаго округа, когда я видел его в Хромом, близ котораго у него есть обширныя земли и огромная стада.

Г. Куликовский рассчитывает, что надобно четыре человека на тысячу овец, если требовать хорошаго присмотра за ними. Этим людям жалованье по восьмидесяти рублей в год, да две четверти пшеницы и одну ржаной муки на человека; сверх того небольшие подарки. Для овцы надобно шесть пуд сена в зиму. Десятина часто доставляет триста пуд сена; вернее рассчитывать надобно на половину. Хлеба не дают овцам никогда; небольшое количество идет его ягнятам, когда их отымают от матери. Можно рассчитывать, что заведение, для прокорма трех тысяч овец, и для помещения людей, необходимых для присмотра за ними, потребует четырех тысяч рублей. Г. Куликовский думает, что выгоднее покупать хлеб, нужный для продовольствия, нежели сеять его самим. Овца на десятину: вот настоящая соразмерность, для определения силы стада.

2-го Июля мы отправились из овчарнаго завода Ангальтскаго принца, возвращаясь в Крым через Перекоп.

[6] Вот сведения, доставленные мне Корнисом о хозяйственном обороте в здешних степях. Из тысячи десятин, сем сот отделяются для пастбищ, триста для покоса. Пшеница на земле неудобренной, не оставляемой отдыхать в известные сроки, дает двенадцать зерен на одно; овес и ячмень соразмерно тому же. Лучшая жатва третья после расчистки полей. Клевер совсем не удается здесь; луцерна удастся плохо.

Мармон, Огюст Фредерик Луи

Огюст Фредерик Луи Виесс де Мармон, герцог Рагузский (фр. Auguste Frédéric Louis Viesse de Marmont, duc de Raguse, 20 июля 1774 — 22 марта 1852) — маршал Франции (1809), пэр Франции (1814).

При осаде Тулона познакомился с Наполеоном, с 1796 года был его адъютантом (1796—1798), с 1798 бригадный генерал, сопровождал его в Египет и Сирию, принимал живое участие в перевороте 18 брюмера, затем почти во всех наполеоновских войнах.

В 1800 командующий артиллерией Итальянской армии, дивизионный генерал. После пресбургского мира во главе корпуса был послан в Далмацию, где потерпел поражение при Кастельнуово (1807) от русских и черногорцев.

С титулом герцога Рагузского (по итальянскому названию хорватского города Дубровник — Рагуза) он до 1811 года управлял сперва Рагузской (Дубровницкой) республикой, потом, после ее присоединения к Иллирийским провинциям — последними.

За победу над австрийцами при Цнайме (1809) был сделан маршалом. Назначенный в 1811 году главнокомандующим французскими войсками в Португалии, он был разбит Веллингтоном и тяжело ранен при Саламанке (22 июня 1812 года). В 1813—1814 годах командовал 6-м корпусом французской армии, участник Саксонского похода.

5 апреля 1814 года Мармон, вместе с маршалом Мортье, подписал договор о сдаче Парижа союзникам и отвёл свои войска в Нормандию, из-за чего его обвинили в измене. Именно с этих пор слово «Рагуза» стало во Франции синонимом слова «предатель», а во французском языке появился глагол «raguser», что в переводе означает подло предать.

Это вынудило Наполеона подписать акт об отречении, после чего Мармон вскоре перешёл на сторону Бурбонов. Был сделан пэром и во время Ста дней сопровождал короля Людовика XVIII в Гент.

В 1817 году он подавил беспорядки в Лионе; в 1826 году был представителем Франции в Москве на коронации императора Николая I.

27 июля 1830 года, ввиду надвигавшейся Июльской революции, Мармон был назначен главнокомандующим войсками Парижского гарнизона. Это назначение человека, крайне непопулярного и считавшегося одной из верных опор реакции, содействовало обострению кризиса. На самом деле, однако, Мармон был решительным противником правительственных указов от 26 июля, ставших непосредственным толчком для июльской революции, и теперь настойчиво советовал королю уступить; во время борьбы он действовал без большой энергии и вступил в переговоры с революционерами. В придворных кругах он вызвал даже подозрение в измене; 29 июля он был заменён герцогом Ангулемским.

После торжества революции он бежал вместе с Карлом X из Франции и с тех пор жил то в Австрии, то в Италии, где и умер.

После его смерти вышли мемуары (Пар., 1856-57). Изданы на русском: «Путешествия маршала Мармона, герцога Рагузского, в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря, в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет»/Пер. с франц., изданный Кс. Полевым в 4 т. — М., 1840.

<http://ru.wikipedia.org/wiki/Мармон>